

ПЛАТФОРМА
№ 9 3/4

ВХОД
ТОЛЬКО ДЛЯ
БОЖЕСТВЕННО
УСТАВШИХ

ХАОС ВОЛШЕБСТВА

или курилка пантеона

НЕ МЕТАТЬ МОЛНИИ.
НЕ БЛАГОСЛОВЛЯТЬ
ВНЕ ОЧЕРЕДИ.
НЕ ПРОКЛИНАТЬ
ПО ЛИЧНЫМ ВОПРОСАМ.
НЕ ВОСКРЕШАТЬ.
КОФЕ — ТОЛЬКО
ПО ТАЛОНАМ.

МИФОЛОГИЯ

ПЕРЕРЫВЫ

КОФЕ

БЕССМЕРТИЕ

БЫТОВЫЕ ВОПРОСЫ

КАК НЕ СВЕСТИ
МИР С УМА

ПРОХОД
К ЛУЧШИМ
ИДЕЯМ

ВЕЛИКИЕ
ИДЕИ
ТОЖЕ
ОТДЫХАЮТ

Ольга Дорошенко

Ольга Дорошенко

Хаос волшебства или курилка пантеона

<https://litres.ru/74535252>

SelfPub; 2026

Аннотация

Хаос волшебства или курилка пантеона.

Картинка сама яркая.

Пустой светлый мрамор коридор, как переход в метро. В конце коридора дверь. На двери — табличка. Выжженная на дереве:

НЕ МЕТАТЬ МОЛНИИ.

НЕ БЛАГОСЛОВЛЯТЬ ВНЕ ОЧЕРЕДИ.

НЕ ПРОКЛИНАТЬ ПО ЛИЧНЫМ ВОПРОСАМ.

НЕ ВОСКРЕШАТЬ.

КОФЕ — ТОЛЬКО ПО ТАЛОНАМ.

Содержание

ПРОЛОГ	4
ГЛАВА 1. СЛИШКОМ ХОРОШО	7
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Ольга Дорошенко

Хаос волшебства или курилка пантеона

ПРОЛОГ

*Говорят, у богов нет чувства
юмора. Это неправда.
Есть. Просто оно чёрное.
Как их бывшие последователи.*

Говорят, боги не устают. Это тоже неправда. Боги устают первыми. Просто им некому пожаловаться. Все считают, что у них всё хорошо. Быть богом — это как быть директором школы. Все думают, что ты всемогущ. А ты просто хочешь, чтобы кто-нибудь вымыл за собой чашку.

В одной комнате, о которой не знает никто из смертных, сидит женщина. Она вяжет — не потому что ей нравится, а потому что руки должны быть заняты, когда ждёшь.

Перед ней стол, на столе старый эмалированный чайник, с трещиной на боку. Трещину она не заклеивает принципиально. «Трещина — это память, — говорит она, когда кто-нибудь спрашивает. — Если заклеить, забудешь, что было».

Под столом ящик. В ящике старые вещи. Глиняная чаш-

ка. Обломок лаврового венка. Монета с профилем, который никто не узнаёт. Она не выбрасывает. Потому что забыть — значит сдаться.

В комнате есть продавленный диван. На нём сидели все и никто не оставил вмятин, потому что боги не оставляют следов. Только обещания.

Есть автомат с нектаром. Он не работает уже двести лет, но никто его не выключает. Потому что если выключить — придётся признать, что он больше не нужен. А признавать такое больно. Раньше нектар наливали в амфоры, а теперь — в пластиковые стаканчики. Никто не помнит, когда это началось. Но все помнят, что так неправильно.

Есть окно. За окном ничего. Просто серое. Иногда чуть светлее, иногда чуть темнее. Это зависит от того, сколько богов сегодня зашло.

Сегодня не зашёл никто.

Женщина откладывает вязание. Смотрит на дверь. Дверь обычная, крашеная. Неприметная. Такая, мимо которой проходят сто лет и не замечают. Она смотрит на неё долго. Как смотрят на того, кого ждут. Очень долго. И уже перестали надеяться.

Потом говорит. Тихо. В пустоту.

— Ну наконец-то.

Тишина.

— Долго же ты.

Тишина.

— Я уж думала, ты не придёшь.

Она берёт чайник и наливает воду. Нажимает кнопку. Чайник шумит, тихо, как кот. Она достаёт вторую чашку. С трещиной. Ставит на стол рядом с первой. И говорит — уже не в пустоту, а кому-то, кто пока не вошёл:

— Чай остыл. Я новый заварила.

...

— Заходи. Дверь не заперта.

Она садится обратно, берёт спицы, начинает вязать. И в комнате снова становится тихо.

Но это уже не та тишина. Это тишина, в которой кого-то ждут. А за дверью — далеко или близко, не важно — в Москве, в обычной жизни — женщина по имени Алиса открывает дверь, которой вчера не было. И даже не догадывается, что её ждали.

Триста лет.

Дверь не заперта.

ГЛАВА 1. СЛИШКОМ ХОРОШО

Счастье — это когда всё идёт по плану.

Тревога — это когда план идёт без тебя.

Утро началось с того, что Алиса проснулась сама.

Не от будильника, который она уже давно не слышит. Не от соседки Марьи Ивановны, которая каждое утро роняла что-то тяжёлое на пол, чтобы весь подъезд знал: она жива. Не от Освальда, который в последнее время научился открывать холодильник, есть изюм прямо из пакета и потом делать вид, что это были мыши.

Она проснулась сама. В семь двенадцать. Бодрая. Выспавшаяся. И это было первое, что её насторожило.

Она лежала и смотрела в потолок. Потолок был на месте. Ровный, с пятном от соседей сверху, похожим на карту Австралии. Пятно на месте, в трещин не было.

— Хм, — сказал внутренний голос. — Проснулась сама. В хорошем настроении. Потолок без трещин. Я бы на твоём месте проверил, не подменили ли тебя ночью.

— Помолчи, — сказала Алиса. Но без злости. По привычке.

Она встала и подошла к окну. Москва за стеклом была

серой, но не унылой. Обычной. Живой. Внизу кто-то ругался на парковке. Не со зла, а по привычке, как ругаются люди, которые знают, что место всё равно не освободится. Где-то играло радио. Пахло дождём и чужим кофе.

Фиалка на подоконнике цвела. Не просто цвела — буйствовала. Три новых бутона за одну ночь. Алиса поливала её раз в неделю. Иногда — раз в две. Фиалка не должна была цвести. Она должна была тихо существовать, как все растения, которые выжили вопреки хозяину.

А папоротник из Леса, который обычно стоял тихо и не высывался, теперь тянулся к свету, как будто его поливали не водой, а комплиментами.

— Вы чего? — спросила Алиса.

Растения не ответили. Они были растениями, даже если иногда вели себя иначе.

Чайник на кухне зашумел раньше, чем она нажала кнопку. Просто зашумел. Как будто ждал.

Алиса посмотрела на него.

— Ладно, — сказала Алиса. — Начинается.

Театр встретил её тишиной. Не той, что бывает перед спектаклем, а другой. Той, что бывает перед чем-то важным.

Марина — режиссёр, наставница, единственный человек в профессии, которому Алиса верила безоговорочно, — сидела в зале. Одна. С блокнотом. Она пила кофе не из чашки, а из кружки с отбитой ручкой. Алиса знала эту кружку десять лет. Марина говорила: Хорошая кружка должна пом-

нить, что её роняли.

— Алиса, — сказала она. — Иди сюда.

Алиса подошла. Села.

Марина долго смотрела на неё. Так смотрят на человека, которого собираются либо похвалить, либо предупредить.

— Ты сегодня играешь сцену возвращения, — сказала она. — Помнишь?

— Помню.

— Хорошо. — Марина закрыла блокнот. — Тогда иди. И не думай.

Алиса встала.

— Марин.

— Что?

— А если я не смогу?

Марина улыбнулась. Тихо. По-своему.

— Сможешь. Именно поэтому я и говорю: не думай.

Сцена была простая. Женщина возвращается в дом, где выросла. Дом её не помнит. Стены чужие. Вещи не её. Даже запах — не тот.

Алиса вышла на сцену. Открыла рот и не сыграла, не изобразила, не «прожила». Просто сказала, но так, что в зале стало тихо. Так тихо, что стало слышно, как за окном проехал троллейбус.

Когда Алиса закончила, Марина не двигалась. Она смотрела. Так смотрят люди, которые впервые за долгое время видят то, за чем пришли в профессию.

— Стоп, — сказала Марина.

Алиса замерла.

— Что не так?

— Всё так. Именно поэтому — стоп.

Она подошла к сцене. Посмотрела на неё снизу вверх, как смотрят на человека, которого пытаются понять.

— Ты сделала это за один дубль. Без правок. Без вопросов. Без «давайте ещё раз». Откуда?

Алиса открыла рот. Закрыла. Открыла снова.

— Я... просто почувствовала.

— Почувствовала, — повторила Марина. — Ты играешь женщину, которая потеряла дом. И ты почувствовала её с первого раза

....

— Ты уверена, что это ты почувствовала? Не она?

Алиса не ответила.

Марина кивнула, как будто слышала то, что хотела.

— Хорошо. Идём дальше. Но помни, то, что ты сделала сейчас, — это не техника. Это дар. Или проблема. Зависит от того, что будет дальше.

Она вернулась в зал. Алиса стояла на сцене. Свет был тёплым. Тёплый настолько, что хотелось закрыть глаза.

— Не хочу, — подумала она. — Что-то не так. Но я не знаю что.

— *Хочешь совет? — вклинился внутренний голос. — Когда всё слишком хорошо — проверь, не занял ли кто-то твоё*

место, пока ты радовалась.

— Я не радуюсь.

— Вот именно. Поэтому и страшно.

В коридоре её ждал агент Саша. Он улыбался. Это было третье, что её насторожило.

Саша не улыбался. Саша обычно смотрел на неё как на человека, который в очередной раз принесёт ему головную боль. У него было лицо мужчины, который сорок лет работает с актрисами и давно перестал надеяться.

Сейчас он улыбался. Широко. Искренне. Как человек, который выиграл в лотерею.

— Алис, — сказал он. — Ты сидишь?

— Я стою.

— Сядь.

— Саша, что случилось?

— Тебя утвердили. На главную. В тот самый проект, который мы три года ждали.

Алиса смотрела на него.

— Как?

— А вот так. Режиссёр сказал, что хочет работать только с тобой. Продюсер согласился. Бюджет утвердили. Контракт сегодня вечером. Я ещё вчера не верил, а сегодня верю.

Он схватил её за руки.

— Алис, ты это сделала. Ты. Сама.

Алиса смотрела на его руки, на его лицо, на его улыбку и чувствовала холод.

— Это не радость, — сказала она себе. — Это не награда. Это сдача. Кто-то сдал мне то, что я должна была заработать. И я не знаю, кто.

— Саш, — сказала она. — А кто был вторым кандидатом? Саша замер.

— Зачем тебе?

— Просто.

— Была одна. Не важно. Она сама отказалась.

— Кто?

— Алис, какая разница? Ты победила. Радуйся.

Он сказал радуйся, но глаза у него были как у человека, который только что подписал что-то, о чём пожалеет.

Алиса не радовалась. Она смотрела на Сашу и думала о том, что «сама отказалась» — это не всегда про отказ. Иногда это про то, что человек не отказался. А его просто не спросили. И он сделал вид, что сам.

Вечером она вернулась домой. Всё было на месте. Фиалка цвела. Чайник шумел. Папоротник не дрожал.

Алиса села на кухне. Налила чай и посмотрела на микрофон. Тот стоял на полке. Молчал. Красный огонёк не горел.

Она взяла его в руки. Тяжёлый. Настоящий. Тёплый.

— Ты молчишь, — сказала она. — Как будто ждёшь.

Микрофон не ответил. Она положила его обратно. Взяла телефон. Открыла сообщения.

Там было сообщение от Клары.

Алиса замерла. Она не писала Кларе. Клара не писала ей.

С тех пор как Алиса вернулась из Лондона, связь с Лесом была... нестабильной. Просто нестабильной. Так сказала Клара. «Нестабильной». Как будто это нормально. Как будто так бывает.

Она открыла сообщение.

«Алиса. Не сейчас. Скоро. Но если тебе станет слишком хорошо — не верь. Это ловушка. Ты нужна. Здесь. Помни».

Алиса перечитала. Три раза. Потом посмотрела на время сообщения. Три дня назад.

Три дня назад ей было плохо. Три дня назад у неё ничего не получалось. Три дня назад её не утвердили. Три дня назад всё было нормально. А потом стало хорошо. Слишком хорошо.

Алиса отложила телефон. Встала. Подошла к окну. За стеклом был её обычный московский двор. Но что-то было не так. Она не знала что, просто чувствовала. Как будто дверь была где-то рядом. И её надо было открыть. Или — не открывать.

Алиса отвернулась от окна и пошла спать, но не уснула.

Ночью началась гроза.

Не та, что бывает в Москве летом. Эта не началась. Она пришла. Как будто кто-то открыл дверь. Или — окно. Или — не туда.

Алиса проснулась от того, что стало светло. На секунду. Потом темно. Потом гром. Не раскат. Не грохот. Удар. Как будто что-то сломалось. Где-то. Очень близко.

Она встала. Подошла к окну. На улице было пусто. Ни машин, ни людей, ни света в окнах. Только дождь, молнии и ветер.

И — тишина. Такая, какой не бывает в Москве даже ночью.

Алиса стояла и смотрела. И где-то очень далеко — или очень близко — кто-то ждал. Она не знала, кто. Просто чувствовала.

Утром она вышла из дома.

Дождь не кончился. Он висел. Как в Лондоне. Мелкий. Стойкий. Такой, что не промокаешь сразу, а пропитываешься.

Алиса быстро шла к метро. Потому что дождь. Потому что гроза. Потому что надо.

Дверь не заперта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.